пожалуй, за рамки нормальной схемы такой записи. Не исключено, конечно, что Войтех был избран в Левом Градце, но осторожней считать упоминание Козьмой места избрания епископа выражением его убеждения, что епископ Войтех был связан с Левым Градцем.

Путем анализа упоминаний Левого Градца Козьмой мы пришли к заключению, что в сознании первого чешского хрониста начала XII в. Левый Градец был прочно связан с событиями церковной жизни при Войтехе, образ же Левого Градца IX в. неустойчив: в отличие от Кристиана Козьма разрывает его связь с крещением Борживоя и упоминает его в связи с эпизодом войны с лучанами. Славу Левого Градца и определяют оба упоминания Козьмы. Его значение в эпоху Войтеха бесспорно, его же роль в чешской истории IX в. стоит под сомнением. Оба упоминания — и Кристиана, и Козьмы — поздние, очевидно, многое зависело здесь от их способностей к ученым комбинациям.

Нечто осязаемое — это церковь в Левом Градце, но в истории каждого памятника зодчества две стороны: одна прямо вписана в план и камень, другая — явствует из письменных упоминаний о памятнике. Первое письменное известие о церквушке в Левом Градце мы находим у Кристиана; по существу дела оно свидетельствует только о том, что в годы написания его труда церковь стояла и была посвящена папе Клименту. Историк находится под контролем читателей; он должен стараться, чтобы его утверждения отвечали действительности, которую его читатели знают или по личному опыту, или из каких-либо надежных источников. Кристиан всякое мог рассказывать о мифическом Пржемысле, но здесь должен был следить лишь за тем, чтобы не отклониться слишком резко от бытовавших тогда сказаний о нем. Существование церкви в Левом Градце он не мог выдумать: ведь современный ему читатель мог на месте ее осмотреть и убедиться, кому она посвящена.

Нечто иное — датировка и вся строительная история какого-либо памятника зодчества; здесь уже трудно отличить сказание от исторической действительности. Правда, широко распространен взгляд, что предания, связанные с каким-либо зданием, менее подвержены деформации, чем рассказы, относящиеся к историческим деятелям. Но как раз судьба вопросов, касающихся X в., принуждает и тут к скепсису. Мы можем довольно подробно прослеживать развитие Вацлавской агиографии, ибо почти все относящиеся сюда легенды X в. до нас дошли. Поэтому можно сказать с достоверностью, что образ места братоубийства вырисовывался лишь постепенно, что первоначально не приводилось даже название Болеславова замка. Достоверно и то, что лишь в одной боковой линии развития в легенде появился мотив праздника Козьмы и Дамиана. Но это обстоятельство нисколько не воспрепятствовало тому, что имена этих святых были закреплены за церквушкой в Старой-Болеслави, а затем именно это посвящение храма, около которого князь Вацлав был убит, было перенесено и на время его смерти. Религиозный культ несомненно консервативней, чем сказание, миф, легенда; но ясно также, что давление со стороны складывающейся легенды оказывает обратное влияние на формы культа, в том же случае, которым мы занимаемся, на представления о строительной истории костела в Левом Градце.

Борживой и Климент — это, по существу, составные части Кирилло-Мефодиевской легенды. Встает вопрос: когда же эта легенда проникла так глубоко в культовую жизнь, что определила собой и посвящение храмовых зданий? Сообщение Кристиана доказывает, что во времена епископа Войтеха в Градце стояла Климентовская церковь; второе упоминание Козьмы о Левом Градце указывает на ту же эпоху. Поучительны